

История Древней Руси

Романы о Древней Руси Бориса Васильева

«Вещий Олег»

«Ольга, королева русов»

«Князь Святослав»

«Владимир Красно Солнышко»

«Князь Ярослав и его сыновья»

«Владимир Мономах»

«Государева тайна»

«Александр Невский»

— Борис —
ВАСИЛЬЕВ

ТАТЬЯНА
КОРОТКОВА РУСОВА

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В19

Дизайн серии *Андрея Фереца*

В оформлении книги использованы
графические рисунки *Милены Козловой*

В настоящем издании используются изображения
из коллекций *Bibliothèque nationale de France*,
Nasjonalsbiblioteket, *The Library of Congress*

Васильев, Борис Львович

В19 Ольга, королева русов / Борис Васильев. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 352 с.— (История Древней Руси).

ISBN 978-5-17-162590-0

Роман «Ольга, королева русов» продолжает цикл исторических романов о князьях Древней Руси, созданный Борисом Васильевым.

Княгиня Ольга, жена киевского князя Игоря и мать князя Святослава — одна из самых удивительных женщин в русской истории. Когда древляне убивают Игоря, Ольга жестоко мстит им за мужа. После его смерти она становится полновластной правительницей Киевской Руси. Деяния ее велики. Независимая и решительная, обладавшая блестящим даром управленца, она назначала и упорядочивала дань, распределяя налоги в пользу Киева и объединяя вокруг него русские земли. Искала связи с другими странами и была первым государственным деятелем, чей статус они признавали. В 955 году Ольга приняла христианскую веру, начала вводить христианство на русской земле, а позже стала первой женщиной на Руси, причисленной к лику святых. Она воспитала достойных внуков, один из них — Владимир Святославич — стал крестителем Руси.

О человеке любви и страстей, преобразований и потрясений, его окружении и поистине великой эпохе, о жизни наших предков в Древней Руси пойдет речь в увлекательном романе Бориса Васильева.

УДК 821.161.1-1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162590-0

© Васильев Б. Л., наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ольга никогда не видела своей матери. Великая княгиня Берта умерла с первым криком своего первого ребенка, и все прорицатели, волхвы и кудесники впоследствии сошлись во мнении, что в крохотной девочке отныне живут две души и бьются два сердца. Не совсем согласился с этим заключением только православный священник, которого, правда, на радение волхвов никто и не приглашал:

— В ребенке помыслом Божиим отныне две души. Две светлые души, которые вознесут ее на двух ангельских крылах. Но двух сердец в ней нету, ибо противно сие Божиим представлениям.

Великий Киевский князь Олег, конунг русов, пришедших в Киев восстановить справедливость и покарать захватчика Аскольда, не отпускал руки Берты и тогда, когда душа ее уже отлетела к вечно горящим кострам Вальхаллы. Уже омыли и перепеленали дочь, уже чья-то молодая грудь напоила ее молоком, а отец двумя ладонями всё еще пытался согреть холодеющую руку своей любимой жены. Ему что-то говорили, его пытались отвлечь, но все усилия друзей были напрасны.

— Отец.

Никогда прежде никто подобным образом не обращался к конунгу русов и Великому князю Киевскому. Поэтому Олег, вздрогнув, сразу же поднял голову. Перед ним стояла его приемная дочь Неждана, по великой любви отданная замуж за Сигурда, приемного сына князя Рюрика. За нею замерли в почтительном поклоне лучшие его советники и друзья — старший Донкард и воевода Перемысл.

— Прости, конунг, что осмелилась назвать тебя так, но теперь ты знаешь, что значит для дочери отец.

— Ты — великий князь огромной страны русов, — тихо, с одышкой добавил Донкард. — Встань и правь.

— Встань и правь, — повторил немногословный Перемысл.

И, подумав, добавил:

— У тебя теперь две дочери.

— Она успела сказать... — Олег помолчал, прикоснулся губами к холодеющему лбу жены, отпустил ее руку и поднялся. — Она сказала последние слова.

И замолчал, крепко обняв и прижав к себе Неждану. Бояре молчали тоже.

— Ольга — королева русов, — торжественно и тихо произнес Великий Киевский князь. — Она сказала так, Неждана: Ольга — королева русов. Я слышал, ясно слышал ее пророчество.

Олег был потрясен смертью юной супруги, и, как говаривали приближенные, только страх за жизнь дочери не позволил сломаться его великому духу. Девочка была окружена самыми крепкими и цветущими кормилицами-славянками, а великий князь прекратил все распри, войны и походы, чтобы не гневить богов. И впервые улыбнулся в то утро, когда его Ольга впервые ему улыбнулась.

Но это было потом, позже. После похорон, на которые так и не смог приехать отец Берты, конунг рузов с тем же родовым именем — Берт.

— У него подкосились ноги, — сказал прибывший вместо него первый боярин рузов Биркхард. — Будто их отсекли мечом.

— Сын и дочь, — Донкард грустно покачал седой головой. — Берсир и Берта. Две опоры его погибли внезапной смертью.

Неждана и Сигурд не отходили от князя Олега. Детей они оставили на челядь, и всё внимание их было в тот день сосредоточено на осиротевшем конунге.

Пышные похороны Берты собрали множество народа, обитавшего ныне в огромной Киевской державе. Здесь были представители от многочисленных славянских племен, мери и веси, рузов и даже вечно враждующих с русами рогов. И все были немало удивлены, когда Великий князь Киевский Олег величественным мановением руки остановил массовое ритуальное заклятие рабов:

— Отпустить на волю именем светлого духа Берты.

После поминальной тризны Олег сразу же ушел в свои покои, сославшись на усталость. Сигурд отправил Неждану домой, а сам пошел за конунгом. Он не хотел его беспокоить, но быть с ним рядом считал себя обязанным. Однако великий князь узнал, что он в соседних покоях, и велел позвать.

— Прости, мой конунг, что я без твоего дозволения... — начал было Сигурд.

— Тебя привело желание разделить не только мое горе, но и мою тревогу, Сигурд, — вздохнул Олег. — С такой тревогой не уснешь, потому что всё равно просыпаешься с нею.

— Ты в тревоге за Ольгу, мой конунг? Но Неждана говорит, что девочка, слава Перуну, на редкость крепенькая, а кормилиц отбирала Альвена.

— Дети крепнут, а мы — стареем. И вместе с нами стареет наша власть. И эту постаревшую власть подхватит сын Рюрика. Просто потому, что больше никому ее подхватить.

— Прости, мой конунг, но Рюрик взял с меня клятву, — тихо сказал Сигурд.

— Я совершенно не знаю князя Игоря, — продолжал Олег, не обратив внимания на тихое напоминание Сигурда. — Что ты мне скажешь о нём, Сигурд? Каков он? От него, а это значит, от его нрава зависит будущее моей дочери.

— У него нет нрава, — подумав, сказал Сигурд. — А если и есть, то он его пока неплохо скрывает. Он живет по правилам, конунг, и очень строго придерживается их.

— Каковы же эти правила?

— Не заводить друзей. Не слушать советников. Не говорить о мыслях своих, намерениях и желаниях.

— Это говорит о неуверенности в себе, — заметил Олег. — Каким же он станет, когда получит власть, Сигурд? Я не доверяю людям без страстей. Что он любит?

— Отроков, мой конунг. Статных и пригожих. Особенно выделяет некоего Кисана.

— Может быть, ему приятно утверждать себя среди них, — задумчиво проговорил великий князь. — А чего не любит?

— В его окружении очень мало женщин. Не то чтобы он не любил их — он поглядывает в их сторону. Но — только поглядывает. Я попробовал подсунуть ему юную рабыню, а он избил ее и прогнал прочь.

— Это естественно в его возрасте.

— Он замыкается в присутствии женщин. И чем они моложе, тем больше он замыкается.

— Неужто он до сей поры — девственник? — недоверчиво усмехнулся Олег.

— Не думаю.

— Значит, первый опыт был неудачен. Это объясняет его поступок с рабыней, но всё проходит, Сигурд. Всё

проходит... — Великий князь подавил вздох. — Если женщинами рождаются, то мужчинами становятся. Так не мешайте же ему стать мужчиной.

— Это, возможно, пройдет, — согласился Сигурд. — Но может не пройти другое.

— Что именно?

— Он озирается, точно ожидает ножа в спину. Даже ночью, почему в его опочивальне всегда спит Кисан.

Великий князь помолчал.

— Я подберу для него отрока. Твоя задача сделать так, чтобы он приблизил к себе этого отрока. Да, и еще одно, Сигурд. Весьма важное. Ты помнишь клятву, которую дал Рюрику?

— Дословно, мой конунг.

— Тогда роди сына. Как можно скорее роди сына.

❧ 2 ❧

Утром следующего дня Олег уединился с Биркхардом и Донкардом. Двумя главными советниками двух осиротевших конунгов. И повелел не беспокоить без крайней нужды.

— Я остановил все походы и прекратил все войны, — сказал он. — Жду ваших мудрых мыслей, как мне поступать далее. У державы ныне один наследник — сын Рюрика князь Игорь.

— Готовить свою дочь Ольгу в жены Игорю, — вздохнул Биркхард. — Я не вижу иного выхода.

— Я бы сказал, что надо готовить Игоря в мужья Ольге. — Донкард позволил себе чуть усмехнуться. — И поступить согласно славянским обычаям, а не по обычаям русов. Славянам это понравится, а русы — поймут.

— Я что-то не улавливаю особой разницы в этих обычаях, — сказал Биркхард.

— Разница в том, почтенный друг наш, что русы отдают своих дочерей в пятнадцать лет, а славяне — по мере их созревания. То есть Ольгу можно будет выдать замуж лет в десять — двенадцать.

— И оставить ее без детства, — горько сказал Олег.

— Взамен это даст ей больше времени, чтобы осознать себя великой княгиней, понять Игоря, зачать от него, родить наследника, после чего можно и...

Донкард выразительно замолчал.

— И убрать Игоря? — закончил его мысль Олег.

Биркхард несогласно покачал головой и нахмурился. Олег молчал, и Донкард позволил себе продолжить:

— Иной ступени для того, чтобы занять Киевский Княжеский Стол, я не вижу.

— Не видишь, потому что ее нет, — проворчал Олег. — А если Ольга полюбит Игоря? Женщинам свойственно влюбляться в своего первого мужчину. А женская любовь к мужчине всегда сильнее ее любви к собственному отцу.

— Сильнее всего — любовь к власти, — осторожно заметил Донкард.

— Для женщины? — насмешливо улыбнулся Биркхард.

— Для принцессы, — внушительно уточнил Донкард. — Именно эту любовь и надо внушать Ольге с детства. Пусть ее почаще называют Ольгой — королевой русов.

— Мне нравится твоя мысль, боярин Донкард, — подумав, кивнул Олег. — Я поговорю об этом с Альвенной. В конце концов, именно она сделала из меня конунга.

— Тут важно не перебрать с патокой, — заметил Биркхард.

Ольга росла среди взрослых, умудренных жизнью людей, которые с радостной готовностью ей подчинялись. Она с детства дышала ледяным воздухом вечно заснеженных вершин власти, недоступных обыкновенному человеку. Подобное дыхание способно было навеки испортить ребенка, но отец как мог исправлял приторный мед воспитания ложкой доброго дегтя, хотя стал навещать дочь не часто с той поры, как только она научилась ходить. Не потому, что безоглядно доверился многочисленным мамкам, нянькам и кормилицам (за которыми, кстати, строго приглядывала пожилая, но еще крепкая Альвена), а потому, что того требовал обычай русов. Да и дел в молодом государстве было предостаточно.

Этим великий князь объяснял себе и приближенным, почему стал непривычно резким, почему так редко и всегда вымученно улыбался, почему густые русые брови, казалось, навсегда сошлись на его переносье. Он постепенно всё больше и больше переставал быть открытым, каким доселе привыкли его видеть, чувствовал это, хмурился еще больше и понимал, что прежнего полета душе уже не вернуть. Что если и не почернела она, то навсегда помутнела, как взбаламученный омут. И что эта поднятая со дна черная муть уже никогда не осядет в нём.

Гибель Берты унесла с собою светлую половину его самого. Он настолько ощутил эту утрату, что еще у смертного ложа, еще сжимая в своих ладонях ее холодеющую руку, дал себе клятву что никогда, никогда более ни одна женщина не войдет в его дом законной

супругой. Не только в память своей любви, но и ради того, чтобы у его единственной дочери никогда не было мачехи. Никогда.

Если бы жена родила сына, он не давал бы никакой клятвы. Он вытерпел бы свалившиеся на него боль и тоску одиночества, пока не обрел бы силы преодолеть их. И тогда нашел бы новую жену — то ли из-за тоски по женскому теплу, то ли из соображений государственных, и Берта поняла бы его. И кто бы впоследствии ни родился от такого союза — мальчик или девочка, — этот ребенок всё равно был бы только вторым. Но Берта как бы перелила себя в подаренную дочь, которая навсегда должна была остаться первой. Первой и единственной — навсегда. А от второго брака мог родиться мальчик... Нет, об этом не следует даже думать: он правильно сделал, дав торжественную клятву вдогон отлетающей душе своей единственной любви...

Мальчик — у Рюрика. И уже не мальчик — отроками командует. Значит, править Русью будут Рюриковичи, а не Ольговичи, и вся мечта его, все ходы и труды, все победы и поражения, удачи и неудачи, путы и заговоры — всё напрасно. Киевский Великокняжеский Стол он, как теперь выяснилось, отвоевал для потомков Рюрика, а не для своих внуков и правнуков, потому что женщины не правят на Руси. Не водят дружин, не пируют с ними. Поднимая заздравные чаши, не разговаривают на равных с другими володителями, не заключают договоров, не завоевывают новых земель, не умеют защищать свои, не способны по-звериному выжидать, сидя в засадах...

А почему бы женщинам не сидеть в засадах, поджидая неосторожного шага зверя? Обычай не велит?

Обычай не велит, пока жив муж. Однако если муж умирает раньше жены — она вольна в своих деяниях. Но тогда — зачем ей сидеть в засаде? Засада нужна, пока жива дичь.

Ольге не видать Киевского Княжеского Стола, потому что она — женщина. Только как супруга, как великая княгиня она может быть рядом с этим Столом, рядом с властью — не для того, чтобы делить ее с правителем, а для того лишь, чтобы родить законного наследника. Нового Рюриковича. Всего лишь родить, а, исполнив этот долг, может и исчезнуть, когда он подрастет. Исчезнуть навсегда...

Олег закрипел зубами от внезапно нахлынувшей волны страха за судьбу дочери... Нет, этого нельзя допустить, но кто, кто остановит Змееныша, коварного, как все Рюриковичи, кто?.. Его сподвижники и он сам стареют на глазах, их прежнюю отвагу глушат ночами ноющие раны. Их время уходит с болью и мукой, и надо успеть, успеть упредить неминуемый удар Игоря. Успеть во что бы то ни стало!

Великий князь залпом выпил кубок вина, встал, прошелся, заглянул в маленькое оконце.

Тускло вставала заря.

Ольга должна быть рядом с властью, в этом не может быть никаких сомнений, Донкард прав. Но только для того, чтобы подхватить ее, когда власть выпадет из великокняжеских рук. И эта власть должна выпасть из рук сына Рюрика, как только Ольга родит ему сына. Наследника Великого Киевского княжения.

Олег днем и ночью думал только об этом, не доверяя мыслей своих даже самым близким друзьям. Впрочем, пора забыть это слово. Они были друзьями тогда,

когда мечом и отвагой завоевывали княжество для сына Рюрика. Княжество завоевано, но княжить в нём стал Олег. Сначала из-за малолетства Игоря, а потом... С властью не расстаются «потом», власти добиваются, не щадя ни собственных сил, ни собственных подданных, ни собственной совести. А добившись, держат мечами и преданностью вчерашних друзей, ставших важными боярами, защитниками и советниками. Но никакой советник не может быть другом, когда ты стал великим князем. Особенно когда в совете его никто уже не нуждается. В этом смысле Игорь выработал в своей пустоте верные правила. Что там еще в этих правилах неправящего князя?

Первый закон власти — не заводи себе друзей.

Второй закон — не говори о своих мыслях никому. Когда придет срок, скажешь только одному-единственному — тому, кто будет претворять твои замыслы в жизнь.

Олег усмехнулся: именно так говорил Сигурд о его соправителе князе Игоре. Пока это не вызывает тревоги, но всё же следует подумать о дочери в первую очередь.

Следует помнить и второй совет мудрого Донкарда: девочек на Руси, согласно обычаю, выдают замуж по достижении ими зрелости, то есть в двенадцать-тринадцать лет. В этом возрасте девочки еще слишком любят болтать, и никаких тайн им доверять нельзя.

Значит, надо выждать. Надо присмотреться к тому, как молодые относятся друг к другу, понять эти отношения и только тогда решать, что и, главное, как говорить Ольге.